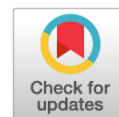

Обзор

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS679534>

EDN: PMYETN

Технологический суверенитет как новый императив государственного суверенитета: концептуальные основы и правовые механизмы реализации

Д.В. Галушко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется технологический суверенитет как новый императив государственного суверенитета в условиях цифровой эпохи. Автор анализирует трансформацию традиционной концепции суверенитета под влиянием технологического прогресса, демонстрируя, как способность государства контролировать критические технологии и цифровую инфраструктуру становится ключевым элементом национальной безопасности и геополитического влияния. Особое внимание уделяется правовым аспектам технологического суверенитета в контексте современных вызовов, включая санкционное давление на Россию и формирование технологических блоков в международных отношениях. В работе прослеживается эволюция нормативно-правового регулирования технологического суверенитета в России — от первых упоминаний в 1990-х годах до современной системной государственной политики, закрепленной в Стратегии национальной безопасности и Федеральном законе «О технологической политике». Автор обосновывает триаду стратегических приоритетов обеспечения технологического суверенитета: стрессоустойчивость к внешним вызовам, развитие конкурентоспособного экономического потенциала и обеспечение национальной автономии. Статья содержит комплексный анализ правовых механизмов реализации технологического суверенитета, включая регулирование критических и сквозных технологий, меры государственной поддержки инновационной деятельности и формы международного технологического сотрудничества. Исследование вносит вклад в развитие доктрины государственного суверенитета, расширяя ее традиционные рамки за счет технологического измерения, и предлагает практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: технологический суверенитет; государственный суверенитет; национальная безопасность; критические технологии; цифровая трансформация; правовые механизмы; санкционное давление.

Как цитировать

Галушко Д.В. Технологический суверенитет как новый императив государственного суверенитета: концептуальные основы и правовые механизмы реализации // Российский журнал правовых исследований. 2025. Т. 12. № 2. С. 19–30. DOI: 10.17816/RJLS679534 EDN: PMYETN

Review

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS679534>

EDN: PMYETN

Technology Sovereignty as a New Imperative of National Sovereignty: Conceptual Framework and Legal Arrangements

Dmitriy V. Galushko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper investigates technology sovereignty as a new imperative of national sovereignty in the digital age. The author analyzes the transformation of the conventional concept of sovereignty under the influence of advancements in technology and shows how the state's ability to control critical technologies and digital infrastructure is becoming a key element of national security and geopolitical authority. The paper focuses on the legal aspects of technology sovereignty in the context of contemporary challenges, including sanction pressure on Russia and the development of technology blocs in international relations. The paper traces the evolution of the legal regulation of technology sovereignty in Russia, from the first mentions in the 1990s to the contemporary systemic state policy as provided by the National Security Strategy and the Federal Law *On Technology Policy*. The author substantiates three strategic priorities ensuring technology sovereignty, including resilience to external challenges, development of competitive economic strength, and national autonomy. The paper provides a comprehensive analysis of legal arrangements used to implement technology sovereignty, including the regulation of critical and general purpose technologies, state support of innovations, and different types of international technology cooperation. The study contributes to the development of the national sovereignty doctrine, expands its traditional framework by adding the technology element, and offers best practices to improve legal regulation in this area.

Keywords: technology sovereignty; national sovereignty; national security; critical technologies; digital transformation; legal arrangements; sanction pressure.

To cite this article

Galushko DV., Technology Sovereignty as a New Imperative of National Sovereignty: Conceptual Framework and Legal Arrangements. *Russian journal of legal studies*. 2025;12(2):19–30. DOI: 10.17816/RJLS679534 EDN: PMYETN

Submitted: 11.05.2025

Accepted: 19.05.2025

Published online: 28.06.2025

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. технологический прогресс перестал быть исключительно фактором экономического роста, превратившись в ключевой элемент национальной безопасности и государственного суверенитета. Глобальная цифровая трансформация, стремительное развитие искусственного интеллекта, квантовых вычислений, биотехнологий и других критических направлений привели к формированию новой парадигмы мироустройства, в которой технологическое доминирование становится основой геополитического влияния. В этих условиях традиционные рамки государственного суверенитета расширяются, включая в себя способность страны самостоятельно определять траекторию своего технологического развития, контролировать стратегические инфраструктуры и защищать цифровой суверенитет [1].

Особую актуальность данная проблематика приобрела на фоне обострения геополитической конкуренции и санкционного давления, наиболее ярко проявившегося в отношении Российской Федерации после 2022 г. [2]. Ограничения на поставку высокотехнологичной продукции, отключение от международных платежных систем, блокировка доступа к зарубежным цифровым платформам и полупроводниковым технологиям продемонстрировали уязвимость государств, зависящих от внешних технологических цепочек. Эти события стали наглядной иллюстрацией того, как технологическая зависимость может быть использована в качестве инструмента политического и экономического принуждения, ставя под вопрос саму возможность реализации суверенных прав государства в цифровую эпоху.

Современный этап развития международных отношений характеризуется формированием технологических блоков, где группы стран, объединенные вокруг лидеров технологического развития (США, Китай, ЕС), стремятся обеспечить собственное доминирование через контроль над критическими стандартами, патентами и производственными мощностями. В этой связи технологический суверенитет перестает быть исключительно экономической категорией, трансформируясь в фундаментальный аспект национальной безопасности и правового регулирования [3].

Правовые аспекты технологического суверенитета требуют глубокого осмысления в контексте международного права, конституционных норм и отраслевого законодательства. В условиях санкций и технологических ограничений перед государством встает комплекс вопросов: каковы правовые механизмы защиты технологического суверенитета в условиях внешнего давления? как обеспечить соответствие национального законодательства вызовам цифровой эпохи без изоляции от глобальных инновационных процессов? какие международно-правовые инструменты могут быть использованы для противодействия дискриминационным ограничениям в технологической сфере?

Российская Федерация, столкнувшись с беспрецедентным объемом санкций, вынуждена активно формировать новую модель технологической независимости, что требует не только экономических и промышленных мер, но и совершенствования правового регулирования. Принятие Стратегии научно-технологического развития, инициативы по импортозамещению в IT-сфере, развитие национальной системы платежей и защита данных в рамках «цифрового суверенитета» — все это свидетельствует о поиске новых правовых и организационных решений [4].

Таким образом, исследование концептуальных основ технологического суверенитета и правовых механизмов его реализации в нашей стране приобретает не только теоретическое, но и практическое значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Концептуализация суверенитета государства

Классическая правовая доктрина рассматривает государственный суверенитет как фундаментальный признак государства, включающий две взаимосвязанные составляющие: внутреннюю (верховенство государственной власти) и внешнюю (независимость в международных отношениях) [5]. Категория «суверенитет» впервые была исследована Леоном Дюги, который рассматривал его как неформальную правовую конструкцию, обладающую властным содержанием и способностью организовывать общество в рамках территориальных границ. Дюги подчеркивал, что суверенитет неотделим от верховной власти, поддерживаемой внутренним правопорядком [6]. Георг Еллинек развил эту идею, определив суверенитет как способность к исключительному правовому самоопределению, позволяющую государству свободно устанавливать пределы своей компетенции [7]. Карл Шмитт акцентировал политическое измерение суверенитета, трактуя его как высшую власть, принимающую окончательные решения, особенно в экстраординарных условиях, выходящих за рамки нормативного права [8].

В современной науке суверенитет анализируется через призму верховенства власти, обеспечивающей внутренний порядок и защиту от внешнего вмешательства. В международном праве он выступает основой государственной независимости, позволяя определять политическую систему, осуществлять юрисдикционный контроль и формировать внешнюю политику. Ключевыми элементами внутреннего суверенитета являются исключительный территориальный контроль, власть над ресурсами и монополия на легитимное принуждение. Внешний суверенитет обеспечивает территориальную целостность, защиту от вмешательства и самостоятельность в международных решениях. Как отмечал Карден Ле Бре, суверенитет неделим и выступает неотъемлемым атрибутом государственности [9]. В современных геополитических условиях конституционный порядок становится механизмом поддержания баланса между внутренней автономией и внешней взаимозависимостью.

Верховенство государственной власти проявляется в ее безусловном распространении на все население и социальные структуры, монополии на легитимное принуждение, осуществлении властных полномочий в специфических юридических формах, а также в prerogative отмены актов негосударственных субъектов, противоречащих установленному правопорядку. Независимость государственной власти означает полную самостоятельность в решении внутренних и внешних вопросов, формировании внешней политики и установлении равноправных отношений с другими государствами [10].

Нынешняя юридическая наука подчеркивает, что суверенитет существует только при наличии обоих указанных аспектов. Отсутствие любого из них свидетельствует о несuverенности политического образования [11]. В этом контексте субъекты федераций, ограниченные в осуществлении внешних функций и части внутренних полномочий конституционными нормами, не могут рассматриваться как носители даже ограниченного суверенитета — последний остается исключительным атрибутом государства как целостного политико-правового организма [12].

Ключевыми характеристиками государственного суверенитета являются его единство, неделимость и неотчуждаемость. Единство предполагает наличие единого центра суверенной власти, что исключает правомерность самопровозглашения суверенитета отдельными территориями. Неделимость означает, что государственная власть обладает всей полнотой суверенитета и не может быть «частично суверенной». Принцип неотчуждаемости подчеркивает невозможность передачи суверенных правомочий, хотя допускает добровольное и временное ограничение отдельных prerogatives в рамках международного сотрудничества [13], примером чего служит участие России в Евразийском экономическом союзе и Содружестве Независимых Государств.

Территориальная составляющая суверенитета приобретает особое значение в условиях современных вызовов государственности, поскольку полнота юрисдикции невозможна без контроля над определенным пространственным континуумом. Нарушением суверенитета следует считать не только прямое военное вмешательство, но и формы косвенного принуждения, приводящие к принятию решений, противоречащих национальным интересам. В условиях цифровой трансформации традиционное понимание суверенитета требует переосмысления через призму новых измерений, среди которых особое место занимает технологический суверенитет как способность государства обеспечивать контроль над критическими технологиями, цифровой инфраструктурой и инновационными процессами. Этот новый аспект суверенитета становится ключевым фактором национальной безопасности в условиях технологического соперничества глобальных центров силы, что требует

специального рассмотрения в контексте его соотношения с классическими параметрами государственного суверенитета [14].

Эволюция нормативно-правового регулирования технологического суверенитета в России: от первых упоминаний к системной государственной политике

Актуальность инновационной модели общественного развития обуславливается стремительным ростом влияния науки и новых технологий на социально-экономическое развитие, которое произошло за последние 20–30 лет. Инновационный тип развития предполагает перенесение акцента на использование принципиально новых технологий, выпуск высокотехнологичной продукции, реализацию прогрессивных организационных и управленческих решений в инновационной деятельности, а также интеллектуализацию всей производственной деятельности. Эти технологии коренным образом и быстро изменили структуру мировой экономики. Оказалось, что неспособность страны осуществить структурную перестройку экономики в соответствии с инновационным технологическим укладом (или промедление с этим) не только тормозит ее развитие, но и приводит к социально-экономической деградации, делая невозможным распространение мировых экономических процессов [15].

На рубеже XX–XXI вв. усилилось государственное влияние на формирование научно-технологического потенциала нации, а также сформировалась необходимость стимулирования инновационной активности хозяйствующих субъектов и отдельных граждан. Международный опыт в сфере научно-технологического развития свидетельствует, что в правительственных кругах западных стран получила признание концепция технологического динамизма (постоянной технологической революции). Согласно положениям этой концепции научно-технологическое лидерство развитых государств — США, Японии, Западной Европы — определяется не только мощным развитием новейших отраслей промышленности, но и способностью к динамической и непрерывной перестройке всех сфер экономики для создания и диффузии новейших технологий как одного из инновационных приоритетов научно-технологического развития [16].

Технологическая политика развивается в ответ на более широкие реформы, направленные на стимулирование производительности и экономического роста, а также в целях урегулирования национальных проблем (в частности, речь идет о рабочих местах, образовании, здравоохранении) и реагирования на такие глобальные вызовы, как энергетическая безопасность и изменение климата. Внедряются новые инициативы по работе в сетях и технологических кластерах, что в условиях

глобализации способствует их превращению из региональных и разобщенных в узловые пункты мирового класса. Реализация таких задач способствует успешному сотрудничеству между промышленностью и научными организациями [17].

В этих условиях задачи технологической политики должны учитывать общественный контент, который определяется обществом относительно основных составляющих технологической системы и признаков критичности самих технологий [18]. Технологически развитые страны, обладающие критическими технологиями, занимают устойчивое положение на международной арене. Для рассмотрения технологии как критической процедура отбора должна соответствовать политической и технологической актуальности (учитывать приоритетные направления научно-технического развития), а также быть прозрачной и доступной общественности.

Определение такого свойства, как критичность, и подходы к ее оценке зависят от позиции страны и изменяются от прогноза к прогнозу. К факторам, сказывающимся на критичности и учитываемым в различных прогнозах, отнесено влияние на конкурентоспособность, экологию, национальную безопасность, качество жизни и т. д. Иногда критические технологии определяют как имеющие потенциал использования во многих отраслях общественной производственной деятельности (технологии общего назначения).

В международной практике государства постоянно уделяют особое внимание процессу определения приоритетных направлений научно-технического развития, одним из основных элементов которого является формирование национальных перечней критических технологий. Такие перечни составляются с разной целью, а технологии в эти перечни выбираются в соответствии с их потенциальным вкладом в достижение определенной цели. При формировании перечней критических технологий используют критерии, отражающие как национальную, так и ведомственную (отраслевую) специфику. В определенном ракурсе такие перечни — прогноз для будущего технологического развития страны, отражение ее важнейших научно-технических приоритетов. Внедрение государственных программ по развитию таких технологий реализует координирующую функцию государства в сфере высоких технологий, основанную на обеспечении государственного финансирования концептуальных базовых технологий. Именно государственная поддержка позволяет успешно конкурировать на рынках наукоемкой продукции и обеспечивать надлежащий уровень технологической безопасности [19].

Учитывая глобальный опыт формирования перечней критических технологий как инструмента государственного регулирования научно-технического развития, особый интерес представляет эволюция концептуальных подходов к обеспечению технологического

суверенитета в России. Если международная практика демонстрирует общие принципы определения технологических приоритетов, то российская модель прошла уникальный путь развития — от первоначального использования термина «технологический суверенитет» в 1992 г., в частности в распоряжении Президента «Вопросы Информационно-аналитического центра Администрации Президента Российской Федерации»¹, в контексте информационно-аналитической деятельности, через период акцента на импортозамещении в условиях санкционного давления, к современному пониманию технологического суверенитета как стратегии создания собственных конкурентоспособных технологических решений. Эта трансформация отражает переход от реактивной политики замещения иностранных технологий к проактивной стратегии инновационного развития, обеспечивающей реальную технологическую независимость страны.

Технологический суверенитет становится не только элементом национальной безопасности, но и важнейшим фактором, определяющим долгосрочное экономическое развитие страны через достижение национальных целей развития России до 2030 г. В Указе Президента Российской Федерации о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года закреплены ключевые приоритеты, включающие, среди прочего, формирование устойчивой и динамичной экономики, достижение технологического лидерства, а также цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы².

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации³ предлагает расширенное понимание технологического суверенитета, рассматривая его как неотъемлемый элемент общей системы национальной безопасности и важный критерий оценки научно-технологической безопасности. В документе подчеркивается (п. 22), что ключевыми факторами геополитического положения России в долгосрочной перспективе выступают качество человеческого потенциала, способность к технологическому лидерству, эффективность государственного управления и переход экономики на новую технологическую основу. Особое внимание уделяется вопросам экономической безопасности (п. 62),

¹ Распоряжение Президента РФ от 20.07.1992 № 385-рп «Вопросы Информационно-аналитического центра Администрации Президента Российской Федерации» // Сайт Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1721>. Дата обращения: 01.04.2025.

² Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Сайт Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> Дата обращения: 01.04.2025.

³ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. Дата обращения: 01.04.2025.

в этой сфере отмечается необходимость структурных преобразований: перехода от экспорта сырья к глубокой переработке, создания высокотехнологичных производств, технологической модернизации базовых отраслей с применением низкоуглеродных технологий, что должно обеспечить повышение конкурентоспособности и устойчивости национальной экономики. При этом акцентируется (п. 68), что в условиях глобального технологического перехода лидерство в научно-технологическом развитии становится критически важным для обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности. В качестве общей цели научно-технологического развития (п. 75) определяется достижение технологической независимости и конкурентоспособности страны, реализация национальных целей развития и стратегических приоритетов, что требует комплексной интеграции политических и экономических стратегий в единую государственную политику технологического суверенитета. Конкретные направления реализации этой политики закреплены в Постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603, где определены приоритетные проекты технологического суверенитета и структурной адаптации экономики, включающие 13 ключевых направлений (авиационная промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение и другие стратегически важные отрасли)⁴.

Сравнительный анализ зарубежных и российских подходов к пониманию технологического суверенитета выявляет существенные различия в акцентах, обусловленные спецификой политических, экономических и геополитических контекстов. Однако принципиальное единство прослеживается в признании технологического суверенитета ключевым элементом национальной безопасности и экономического роста. Российская концепция отличается особым вниманием к интеграции технологического развития в систему государственной политики с приоритетом национального контроля над критическими и сквозными технологиями [20].

Методологической основой правового регулирования в рассматриваемой сфере выступает теория

технологических укладов, в соответствии с ней экономический прогресс осуществляется через последовательную смену технологических режимов, каждый из которых характеризуется специфическими типами технологий и производственных структур. Эта теоретическая база нашла свое отражение в Концепции технологического развития⁵, где сформулирован базовый понятийный аппарат. В частности, раскрывается дефиниция понятия «технологический суверенитет», который определяется как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»⁶. Особое значение в Концепции придается двум формам обеспечения технологического суверенитета: разработке критических и сквозных технологий и производству на их основе высокотехнологичной продукции, осуществляемым при сохранении международного сотрудничества с дружественными странами.

Концепция акцентирует внимание на необходимости системной трансформации подходов к научно-технологическому развитию, особенно в условиях дефицита ресурсов, что требует четкого определения приоритетов и их последовательной реализации на всех стадиях инновационного цикла. Данные положения коррелируют с ранее принятыми стратегическими документами, включая Постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2016 № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы»⁷, и программой цифровой трансформации⁸, что подчеркивает потребность в формировании новой правовой среды, адекватной вызовам технологического развития.

В целях консолидации ресурсов для реализации научно-технических программ, направленных на обеспечение экономического суверенитета и национальной безопасности, в 2024 г. был принят Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического

⁴ Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отношения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444820/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994e5633b/ Дата обращения: 01.04.2025.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // Сайт Правительства РФ. Режим доступа: <http://government.ru/docs/48570/> Дата обращения: 01.04.2025.

⁶ Там же.

⁷ Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы» // Сайт Правительства РФ. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/f1ArmUxbZla9JSRRPCM3ASByLzqyCyba.pdf> Дата обращения: 01.04.2025.

⁸ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Сайт Правительства РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>. Дата обращения: 01.04.2025.

развития и перечня важнейших наукоемких технологий»⁹. Данный нормативный акт определяет семь ключевых направлений научно-технологического развития: высокоэффективная и ресурсосберегающая энергетика; превентивная и персонализированная медицина, включая обеспечение здорового долголетия; высокопродуктивное и устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство; безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации; интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы, в том числе автономные транспортные средства; укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования; адаптация к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов. Указом также проводится дифференциация между критическими и сквозными технологиями: в перечень критических технологий включена 21 позиция, охватывающая энергетические и транспортные системы, биомедицинские, сельскохозяйственные, информационные, социальные и экологические технологии, тогда как к сквозным технологиям отнесены 8 направлений, включая синтетическую биологию и генную инженерию, новые материалы, искусственный интеллект и биотехнологии.

Тем самым, в контексте формирования технологического суверенитета за последнее десятилетие технологическое предвидение стало ключевым инструментом государственного управления, обеспечивающим стратегическое планирование индустриального и экономического развития России на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Критические и сквозные технологии, обладая трансграничным межотраслевым эффектом, формируют технологический фундамент для модернизации производственного комплекса страны и достижения им глобальной конкурентоспособности. Динамика технологических трансформаций в государствах — мировых лидерах научно-технического прогресса подтверждает определяющую роль инновационных высокопроизводительных технологий как катализатора экономического роста. При этом обеспечение технологического суверенитета требует комплексного учета взаимовлияния четырех ключевых факторов развития: институциональных условий, экономических механизмов, технологических возможностей и организационных моделей. Их оптимальная конфигурация формирует основу для устойчивого технологического развития и создания конкурентоспособных решений на глобальных рынках.

Технологический суверенитет в условиях современных вызовов: триада стратегических приоритетов

Инновационно-технологическое развитие — это сложное и многогранное явление, что делает необходимым учет международного и регионального аспектов при определении его приоритетов. В то же время это требует координации и развития фундаментальных и прикладных исследований, результаты которых формируют основы технологического развития в целом и потенциально способны принести быструю и весомую общественно полезную отдачу. Поэтому государственная научно-технологическая политика, учитывая инновационность технологических изменений, должна формировать ресурсный и интеллектуальный потенциал конкретного региона в соответствии с общенациональными приоритетами развития этой сферы. Использование возможностей международного технологического обмена способствует ускорению социально-экономического развития страны и регионов. Существенная роль в технологическом обеспечении социально-экономического развития принадлежит международному трансферу технологий [21].

Социально-экономический рост всегда сопровождался технологическим восстановлением всех сфер продуктивной деятельности человека — от производственной сферы до самого образа жизни. По достигнутому уровню технологий можно оценивать степень развития того или иного государства. Однако до сих пор остается открытым вопрос о первичности влияния экономики и технологий на ускорение социально-экономического роста.

Чрезвычайное усложнение техносферы требует значительного роста объемов производства научной информации, необходимой уже не только для развития, но даже для содержания техносферы в безопасном состоянии. В этих условиях увеличиваются потребности общества в результатах научных исследований, в частности авторских разработках отечественных ученых, что актуализирует проблему защиты интеллектуальной собственности.

Обеспечение условий для наращивания отечественного технологического потенциала и его эффективное использование в интересах общества исходя из мирового опыта, а также учет приоритетов инновационно-технологического развития имеет целью эффективную реализацию государственной научно-технологической политики в направлении поддержки отечественных фундаментальных и прикладных исследований, культуры как части мирового информационно-технологического пространства.

Тем самым, технологический суверенитет как неотъемлемый элемент суверенитета государства, по нашему

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // Сайт Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> Дата обращения: 01.04.2025.

мнению, должен базироваться на трех основных опорах:

- стрессоустойчивость;
- развитие конкурентоспособного экономического потенциала;
- обеспечение национальной автономии.

I. *Стрессоустойчивость.* Санкции, направленные на ограничение доступа России к критическим технологиям, международным платежным системам и высокотехнологичным поставкам, наглядно продемонстрировали уязвимость экономик, зависящих от глобальных цепочек создания стоимости. В данном контексте обеспечение устойчивости национальной экономики требует реализации комплекса мер, включающего снижение критической зависимости от иностранных технологий, комплектующих и финансовых инструментов, используемых в целях политического давления; формирование адаптивных механизмов оперативного реагирования на новые ограничительные меры посредством диверсификации внешнеэкономических связей и создания альтернативных логистических и финансовых маршрутов; а также развитие замкнутых технологических циклов в стратегических отраслях, обеспечивающих базовые потребности экономики и обороноспособности страны.

Параллельно с санкционными вызовами сохраняется глобальная проблема антропогенного воздействия на экосистемы, что актуализирует вопросы устойчивого развития. Игнорирование экологических аспектов в долгосрочной перспективе усугубляет технологическую зависимость, поскольку сырьевая ориентация экономики повышает уязвимость к колебаниям мировых рынков, а отсутствие «зеленых» технологий ведет к росту экологических издержек и ограничивает доступ к международным рынкам с жесткими экологическими стандартами.

Таким образом, обеспечение стрессоустойчивости экономики в условиях санкций требует комплексного подхода, сочетающего достижение технологической самостоятельности в критических секторах, ускоренный переход к модели устойчивого развития и формирование эффективных правовых механизмов, минимизирующих риски дальнейшего ужесточения внешнего давления. Отсутствие таких мер неизбежно ведет к нарастанию зависимости от внешних факторов, существенно ограничивая суверенитет государства в принятии ключевых политических и экономических решений.

II. *Развитие конкурентоспособного экономического потенциала.* В условиях обострения геополитической нестабильности формирование конкурентоспособного экономического потенциала становится главным элементом обеспечения технологического суверенитета государства. Как справедливо отмечал М. Портер, в современной глобальной экономике конкурентные преимущества формируются не за счет традиционных

факторов производства, а через способность экономической системы к постоянной инновационной модернизации, что приобретает особую актуальность для Российской Федерации в условиях технологического противостояния [22].

Основу формирования конкурентоспособного потенциала составляют три взаимосвязанных направления: развитие высокотехнологичного сектора через создание инновационной продукции, модернизацию производственных процессов и внедрение передовых управленческих технологий; стимулирование инновационной активности посредством поддержки научных исследований и создания благоприятных условий для технологических стартапов; формирование эффективной инновационной инфраструктуры, включающей венчурное финансирование, технологические кластеры и механизмы кооперации между наукой и бизнесом. Особое значение в текущих условиях приобретает развитие импортонезависимых технологий в стратегических отраслях, таких как микроэлектроника, станкостроение, фармацевтика, IT-сектор и телекоммуникации.

Мировой опыт свидетельствует, что успешное технологическое развитие базируется на комплексе факторов, включающем постоянное обновление производственного аппарата, развитие человеческого капитала, создание эффективной системы коммерциализации разработок и формирование благоприятного инвестиционного климата. Для России особую актуальность приобретает задача создания замкнутых технологических цепочек в критически важных отраслях, что требует скоординированных действий государства, бизнеса и научного сообщества, а также разработки адекватных правовых механизмов поддержки инновационной деятельности. Таким образом, в современных геополитических условиях формирование конкурентоспособного экономического потенциала трансформируется из чисто экономической задачи в важнейший элемент обеспечения национального суверенитета.

III. *Обеспечение национальной автономии.* Обострение глобальной технологической конкуренции делает необходимым обеспечение национальной автономии в научно-технологической сфере. Формирование устойчивой модели технологического развития, способной сохранять экономическую стабильность и политическую независимость перед лицом внешнего давления, требует комплексного подхода, включающего три взаимосвязанных аспекта.

Во-первых, стратегическая самодостаточность предполагает создание собственного производственного потенциала в критически важных сферах, включая базовые промышленные технологии, системы информационной безопасности, оборонные разработки и фармацевтическую продукцию. Во-вторых, гибкая модель технологического суверенитета основывается

на развитии национального научно-технологического потенциала, диверсификации международного сотрудничества и создании резервных технологических решений. В-третьих, оптимальный баланс между автономией и кооперацией достигается через приоритетное взаимодействие с дружественными странами, формирование альтернативных технологических альянсов и участие во взаимовыгодных международных проектах.

Особую значимость приобретает создание целостной национальной инновационной системы, объединяющей мощный научно-исследовательский комплекс, эффективные механизмы коммерциализации разработок, современную образовательную инфраструктуру и гибкие формы государственно-частного партнерства. Мировой опыт последних лет убедительно демонстрирует, что именно способность к технологическому самообеспечению определяет реальный суверенитет государства, при этом важнейшим условием является нахождение оптимального баланса между развитием собственного потенциала и избирательным международным сотрудничеством.

С правовой точки зрения обеспечение технологической автономии требует последовательного совершенствования законодательства в сфере научно-технической политики, создания специальных правовых режимов для критических технологий, разработки эффективных механизмов защиты интеллектуальной собственности и формирования системы технологического прогнозирования. В современных геополитических условиях технологическая автономия трансформируется в фундаментальный принцип технологического суверенитета, выступая одновременно гарантом экономической устойчивости и политической независимости в условиях нарастающих глобальных вызовов.

В целом, технологический суверенитет представляет собой сложную, многоаспектную категорию, требующую сбалансированного сочетания экономических, технологических и правовых механизмов обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в условиях глобальных вызовов. Эффективная реализация указанных принципов требует комплексного правового регулирования. В Российской Федерации значимым шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации»¹⁰ от 28 декабря 2024 г., который, безусловно, представляет собой важную веху в формировании правовой базы технологического суверенитета. Данный нормативный акт, позиционируемый как системообразующий, действительно

вводит комплексный механизм государственного регулирования в сфере технологического развития, что представляется своевременным в условиях текущих геополитических реалий.

Закон заслуживает внимания в связи с попыткой систематизировать подходы к технологическому развитию через выделение критических (ст. 10) и сквозных технологий (ст. 11), а также созданием институциональных основ для национальных проектов технологического лидерства (гл. 4) и развития сквозных технологий (гл. 5). Однако следует отметить, что эффективность этих механизмов будет зависеть от качества их конкретизации в подзаконных актах и практики применения.

Особенностью закона является детальная регламентация полномочий органов власти разных уровней (ст. 7–8); функций организаций с государственным участием (ст. 9); механизмов технологической кооперации (ст. 16); мер стимулирования инновационной деятельности (ст. 22–24), что, с одной стороны, создает правовую определенность, но с другой — может привести к избыточной бюрократизации инновационных процессов, требуя тщательного анализа возможных последствий для конкурентной среды, прежде всего в свете модернизации правового статуса ключевых государственных корпораций.

Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации» представляет собой значимую, но не лишенную рисков попытку создать правовые основы технологического суверенитета. Его достоинством является комплексный подход к регулированию, однако окончательные выводы о действенности данного правового акта можно будет сделать только после накопления достаточной правоприменительной практики и анализа его влияния на инновационную активность в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих важное значение для понимания современной трансформации концепции государственного суверенитета. В начале XXI в. технологический прогресс перестал быть исключительно фактором экономического роста, превратившись в ключевой элемент национальной безопасности и государственного суверенитета. Глобальная цифровая трансформация привела к формированию новой парадигмы мироустройства, где технологическое доминирование становится основой геополитического влияния, а традиционные рамки государственного суверенитета расширяются, включая в себя теперь способность страны самостоятельно определять траекторию своего технологического развития.

Анализ современной геополитической ситуации, особенно санкционного давления на Россию, наглядно

¹⁰ Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 № 523-ФЗ СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/ Дата обращения: 01.04.2025.

продемонстрировал уязвимость государств, зависящих от внешних технологических цепочек. Ограничения на поставку высокотехнологичной продукции и отключение от международных платежных систем показали, как технологическая зависимость может использоваться в качестве инструмента политического и экономического принуждения. В этих условиях технологический суверенитет перестает быть исключительно экономической категорией, трансформируясь в фундаментальный аспект национальной безопасности.

Исследование классической доктрины государственного суверенитета подтвердило, что его ключевые характеристики — единство, неделимость и неотчуждаемость — приобретают новое звучание в цифровую эпоху. Территориальная составляющая суверенитета дополняется технологическим измерением, где нарушением суверенитета следует считать не только прямое военное вмешательство, но и формы технологического принуждения.

Российская Федерация предпринимает системные меры по формированию правовых основ технологического суверенитета, что нашло свое отражение как в нормативных актах программного характера, так и в документах, содержащих конкретные материально-правовые нормы. Тем самым, принятые документы создают комплексную систему правового регулирования, включающую определение критических и сквозных технологий, механизмы государственного управления и стимулирования инновационной деятельности. Принятый в 2024 г. Федеральный закон «О технологической политике» представляет собой важный шаг в создании эффективного правового механизма обеспечения технологического суверенитета. Его значение заключается в детальной регламентации полномочий органов власти, функций организаций с государственным участием и мер стимулирования инновационной деятельности. Однако многое будет зависеть от надлежащей имплементации предусмотренных положений и их конкретизации в подзаконных актах органов исполнительной власти с учетом трех ключевых опор технологического суверенитета: стрессоустойчивости к внешним угрозам, развития конкурентоспособного экономического потенциала и обеспечения национальной автономии. Как показал анализ, именно сочетание этих элементов позволяет сохранить суверенитет в условиях технологического соперничества глобальных центров силы.

В целом, проведенное исследование подтверждает, что в современных условиях технологический суверенитет становится неотъемлемой составляющей и материальной основой государственного суверенитета. Его обеспечение требует сбалансированного подхода, сочетающего развитие собственного научно-технического потенциала с избирательным международным сотрудничеством. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку критериев оценки уровня технологического

суверенитета и совершенствование механизмов его правовой защиты в условиях глобальной технологической конкуренции.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Вклад автора. Д.В. Галушко — определение концепции, сбор, анализ и обобщение литературы, написание черновика, пересмотр и редактирование рукописи. Автор одобрил рукопись (версию для публикации), а также согласился нести ответственность за все аспекты настоящей работы, гарантируя надлежащее рассмотрение и решение вопросов, связанных с точностью и добросовестностью любой ее части.

Источники финансирования. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Раскрытие интересов. Автор заявляет об отсутствии отношений, деятельности и интересов за последние три года, связанных с третьими лицами (коммерческими и некоммерческими), интересы которых могут быть затронуты содержанием статьи.

Оригинальность. При создании настоящей работы автор не использовал ранее опубликованные сведения.

Генеративный искусственный интеллект. При создании настоящей статьи технологии генеративного искусственного интеллекта не использовались.

Рассмотрение и рецензирование. Настоящая работа подана в журнал в инициативном порядке и рассмотрена по обычной процедуре. В рецензировании участвовали два внутренних рецензента.

Дисклеймер. Автор заявляет о том, что взгляды, выраженные в рукописи, являются его собственными, а не официальной позицией организации, с которой он аффилирован, спонсора исследования или любой другой заинтересованной стороны.

ADDITIONAL INFO

Author contribution: D.V. Galushko: conceptualization; investigation; writing—original draft, writing—review & editing. The author approved the version of the manuscript to be published and agrees to be accountable for all aspects of the work, ensuring that questions related to the accuracy or integrity of any part of the work are appropriately investigated and resolved.

Funding source: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University).

Disclosure of interests: The author has no relationships, activities or interests for the last three years related with for-profit or not-for-profit third parties whose interests may be affected by the content of the article.

Statement of originality: The author did not use previously published information to create this paper.

Generative AI: Generative AI technologies were not used for this article creation.

Provenance and peer review: This work was submitted to the journal on its own initiative and reviewed according to the usual procedure. Two internal reviewers participated in the review.

Disclaimer: The author declare that the views expressed in this article are solely their own and do not necessarily reflect the official positions of their affiliated institutions, the study sponsor, or any other related entities.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ | REFERENCES

1. Ivanov VV. Technological sovereignty as a factor of strategic development. *Futurity Designing. Digital Reality Problems*. 2024;(7):33–37. EDN: RFCRWN doi: 10.20948/future-2024-1-2
2. Porokhovskiy AA. Economic sovereignty of Russia: problems of formation and maintenance. *Economic Revival of Russia*. 2023;(77):10–15. doi: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-10-15 EDN: CVZNN0
3. Edler J, Blind K, Kroll H, et al. *Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: Defining rationales, ends and means*. Fraunhofer ISI Discussion Papers Innovation Systems and Policy Analysis. 2021;70. doi: 10.24406/publica-fhg-301112
4. Dudin MN, Shkodinskij SV, Prodchenko IA, et al. *Economic sovereignty of the state in the digital age: theoretical and applied aspects*. Moscow: Rusajns; 2022. 240 p. (In Russ.)
5. Galushko DV. On a state sovereignty in international law. *Proceedings of Voronezh State University Series Law*. 2013;(14):366–374. EDN: QRWAAJ
6. Duguit L. *Law in the modern state*. New York: B.W. Huebsch; 1919.
7. Jellinek G. *General theory of the state*. New York: Lawbook Exchange; 2002.
8. Schmitt C. *Dictatorship*. Cambridge: Polity Press; 2014.
9. Costa P, Zolo D, editors. *The rule of law: history, theory and criticism*. Dordrecht: Springer; 2007. 700 p. doi: 10.1007/978-1-4020-5745-8
10. Zhuleva MS, Konev YuM. The concept of state sovereignty in the context of transformation of the modern world order. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2022;15(3):35–49. doi: 10.31660/1993-1824-2022-3-35-49 EDN: KUYQTO
11. Podosinnikova LA. State sovereignty: modern understanding and its types. *Uchenye trudy Rossiiskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoeva*. 2024;(73):16–25. EDN: GYJELL
12. Yakovlev MM. Unified state power and its sovereignty as decisive factors in the formation of federal unity of the Russian State. *Law and State: The Theory and Practice*. 2024;(230):75–77. doi: 10.47643/1815-1337_2024_2_75 EDN: JTS DJZ
13. Galushko DV. International integration organizations and sovereignty of member states. *Legal Concept*. 2021;20(1):137–143. doi: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.21 EDN: HWUJOK
14. Varlen MV. Information, technological, economic and financial sovereignty as newest types of autonomy. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;(109):214–222. doi: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.214-222 EDN: WTJMUZ
15. Pushkareva LV. *Modern global problems of the world economy*. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshikh uchebnykh zavedenii; 2022. 140 p. (In Russ.) EDN: GRTCUG
16. Bodrova EV, Kalinov VV. *Scientific and technical potential of Russia: search for ways to implement a technological breakthrough at the beginning of the 21st century. 3rd ed*. Moscow: Dashkov i K; 2023. 432 p. (In Russ.) EDN: XPPKDI
17. Khachatryan AA. *Human capital in the context of technological globalization*. Moscow: LLC Ruscience; 2023. 182 p. (In Russ.) EDN: TFYZBH
18. Gu H. Data, big tech, and the new concept of sovereignty. *Journal of Chinese Political Science*. 2024;29:591–612. doi: 10.1007/s11366-023-09855-1 EDN: RERQIF
19. Broeders D, Cristiano F, Kaminska M. In search of digital sovereignty and strategic autonomy: normative power Europe to the test of its geopolitical ambitions. *Journal of Common Market Studies*. 2023;61(5):1261–1280. EDN: DDTSN doi: 10.1111/jcms.13462
20. Potapsteva EV, Akberdina VV, Ponomareva AO. The concept of technological sovereignty in the state policy of contemporary Russia. *AlterEconomics*. 2024;21(4):818–842. EDN: QMSCPH doi: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9
21. Schot J, Steinmueller WE. Three frames for innovation policy: R&D, systems of innovation and transformative change. *Research Policy*. 2018;47(9):1554–1567. doi: 10.1016/j.respol.2018.08.011
22. Porter ME. *On competition. updated and expanded edition*. Boston: Harvard Business School Publishing; 2008. 576 p.

ОБ АВТОРЕ

Галушко Дмитрий Вячеславович, д-р юрид. наук, профессор;
адрес: Россия, 125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2;
ORCID: 0000-0002-9301-9565; eLibrary SPIN: 1710-5918;
e-mail: galushkov@gmail.com

AUTHOR INFO

Dmitriy V. Galushko, Dr. Sci. (Jurisprudence), Professor;
address: 49/2 Leningradsky ave, Moscow, 125167, Russia;
ORCID: 0000-0002-9301-9565; eLibrary SPIN: 1710-5918;
e-mail: galushkov@gmail.com